

Прагматический контекст и имплицативный смысл вежливого высказывания

В статье рассматриваются различные типы прагматического контекста и их влияние на создание национально специфического имплицативного смысла высказывания в различных культурах. Особое внимание уделяется сопоставлению стереотипов вежливости в немецкой, английской и русской культурах.

В языковой прагматике можно выделить следующие типы контекстов:

А. **Генетический** контекст является, пожалуй, самым общим. Он охватывает мир и культуру как таковые. В основе такой трактовки контекста лежит кантовское философское понятие трансцендентального времени и пространства. На генетическом контексте основано, например, понимание метафор, усваиваемых из опыта, который обобщает положение человеческого тела в пространстве (ср. характерные для многих языков метафоры типа up/down, front/back, in/out и другие [Lakoff/Johnson]). Все, что мы оцениваем хорошо, заслуживает *высокой* оценки (kann *hoch*geschätzt werden), а все, что мы оцениваем плохо, находится *ниже* всякой критики (ist *unter* jeder Kritik). Когда мы счастливы, мы чувствуем себя *на седьмом небе* (im *siebten Himmel*), а когда нам плохо, мы *на дне, в провале* (sind *heruntergekommen*).

На этом типе контекста основано и понимание многих грамматических явлений общего характера. Например, метафора Linguistic expressions are containers предполагает наличие в нашей общей системе понятий метафоры, отражающей взаимосвязь формы и содержания: more of form is more of content. Эту метафору можно применить и к интерпретации высказываний. Так объясняется, например, стилистический эффект повтора:

He ran and ran and ran.

Подобные выражения можно считать иконическими, поскольку они по структуре повторяют структуру обозначаемой ими внеязыковой ситуации. Грамматические формы не так уж редко являются иконическими знаками соответствующих ситуаций. Например, порядок слов понимается и усваивается в связи с универсальным характером деятельности, предполагающим предшествование субъекта объекту:

Die Schüler schreiben ein Diktat; Die Rose ist schön.

Иконичными часто являются метафорические языковые знаки. Так временные отношения нередко обозначаются в разных языках пространственными предлогами, которые в генетическом контексте, общем для многих культур, переосмысливались как темпоральные. Любопытно при этом, что в разных культурах значения идентичных предлогов имплицитно разные, ср.:

русск.: *в два часа, до обеда, через три года, около месяца;*

англ.: *in an hour, at ten o'clock;*

нем.: *in einer Stunde, nach einem Jahr, vor Ablauf der Woche, um wieviel*

Uhr.

Процесс переосмысления пространственных предлогов или выражений в темпоральные продолжается во многих языках и по сей день. Он актуален, например, в современном немецком языке, в котором подобным образом переосмысливаются предложные группы, где ядерным компонентом является существительное с пространственной семантикой, ср.:

im Vorfeld der Verhandlungen (=vorher);

am Rande der Konferenz (=während);

im Zuge der Verhandlungen (=während);

im Wege des Länderausgleichs (=während);

im Verlaufe der Regierungsbildung (=während) [Maibauer 1995:58].

В русском языке метафоризация охватывает преимущественно словосочетания с причинным или целевым значением:

по причине, на основании, в виду, в результате, в силу.

В более узком смысле генетический контекст может ограничиваться социальными или этническими рамками. Эту разновидность генетического контекста важно учитывать при исследовании родного языка переселенцев и усвоенного ими языка страны, в которой они живут. Нарцательным стал так называемый Pidgin, который обозначает не только ломаный английский, но и ломаный немецкий турков и других иммигрантов, живущих в Германии. Другую сторону данного контекста представляет островное существование языка-донора в иной среде, например, язык российских немцев. Грамматики, опирающиеся на эту разновидность генетического контекста, должны строиться как контрастивные.

Особые цели может преследовать изучение так называемых языков учащихся (ср. Interim-Sprachen), то есть особого функционирования иностранных языков в учебных целях. Грамматическое описание должно здесь представлять систему иностранного языка на разных ступенях его усвоения. Такая грамматика будет иметь как прикладное, так и теоретическое значение, формулируя научные принципы поэтапного отбора грамматического материала и доступно объясняя его.

Б. Другой вид контекста - **дейктический** контекст [ср. Givón 1989:74]. Он ограничивает рамки ситуации речи. Это контекст речевого акта. Он учитывает момент речи, противопоставляя друг другу два типа ситуаций: *я, здесь, сейчас vs. ты, там, тогда*. Это различие лежит в основе противопоставления коммуникативных регистров - регистров контактной и дистантной коммуникации. Дейктический контекст обуславливает употребление темпоральных форм (*обсуждаемый и рассказанный мир* по Г. Вайнриху).

Важной функцией дейктического контекста является обозначение социально-персональных отношений (статуса, ожиданий). В генетическом контексте разных культур они формируются по-разному. Показательны здесь вежливые высказывания, на которых я остановлюсь ниже.

В. Из дейктического контекста выделяется **дискурсивный** контекст, который задает структуру и стилистику текста. В рамках дискурса реализуются, например, отношения кореференции (через местоименные, сино-

нимические и смысловые замены: *Heinz, mein Freund, mein Schulkamerad, er*). Учет стилистического контекста порождает множество функционально-стилистических грамматик. Наибольшие особенности обнаруживают грамматики научного стиля и грамматики разговорной речи. Продуктивный подход представлен в «Стилистической грамматике немецкого языка» В.А. Жеребкова, где стилистические особенности описываются в соответствии с коммуникативным регистром [Žerebkov, 1988]. Коммуникативный регистр служит своего рода фильтром, с помощью которого произвольно происходит выбор лексико-грамматических средств. Таким образом формируется, например, дискурсивная модальность, то есть модальность в рамках вида речи. Объективация противостоит здесь персонализации [ср. Кострова, 1992].

Г. Наконец, можно выделить еще один тип контекста – **внутриязыковой** контекст, или контекст языковой единицы. Этот вид контекста в общем традиционен, так как он широко учитывается традиционной грамматикой, которая описывает типичные случаи или запреты на употребление тех или иных форм в тех или иных структурах. Например, в придаточных нереального условия в современном немецком языке употребляется конъюнктив II и не употребляется конъюнктив I; в пассивные предложения агенс вводится в форме существительного или местоимения в дательном падеже с предлогом *von* и т. п.

Этот тип контекста широко используется в исследовательских целях: любое монографическое языковое исследование начинается фактически с отбора однородных контекстов употребления какой-либо языковой единицы. Правильный подбор контекстных рамок во многом определяет успех исследования. И все-таки учет именно данного типа контекста таит еще много возможностей. Я имею в виду подбор семантически однородных контекстов для исследования таких явлений, которые, в силу широкой употребительности, представляются либо очевидными, либо не поддающимися систематизации. Например, контекст сложноподчиненных предложений с придаточными времени – это, вероятно, идеальный контекст для исследования модальности реальности, или (с учетом прагматического компонента) объективации, а контекст сложноподчиненных предложений с придаточными причинного типа, в свою очередь, – идеальный контекст для исследования средств модализации, или персонализации высказывания.

Чистота контекста может дать неожиданные результаты. Так исследование функционирования сложноподчиненных предложений в типичных для них контекстах позволило выявить зависимость употребления отдельных видов от условий порождения речи, точнее говоря, от коммуникативного регистра.

Все перечисленные виды контекстов взаимодействуют между собой, способствуя созданию специфических имплицативных смыслов и национально-культурных стереотипов. Рассмотрим это взаимодействие на примере функционирования вежливых высказываний в русской, немецкой и английской культурах.

Языковой эталон вежливости, представленный в том или ином языке, опирается на многовековую социокультурную традицию. Особенно на-

глядно это проявляется на материале сопоставления языковых форм вежливости в различных, порой даже близкородственных языках. Сопоставление в этом аспекте двух германских и одного славянского языка дает богатую пищу для размышлений.

Небезынтересно сопоставление толкования слова 'вежливый' в указанных языках. Словарь С.И. Ожегова объясняет его как 'соблюдающий правила приличия, учтивый'. В толковом словаре немецкого языка под редакцией Г. Варига значение прилагательного 'höflich' толкуется шире - как 'wohlerzogen, verbindlich, takt-, rücksichtsvoll, zuvorkommend', то есть 'хорошо воспитанный, обязательный, тактичный, учтивый, предупредительный'. Наконец, в Оксфордском толковом словаре находим, что значение прилагательного 'polite' описывается через два лексико-семантических варианта: '1 having good manners, socially correct. 2 cultivated, cultured, refined, elegant', при этом разграничиваются социальная корректность и воспитанность, эlegantность: 1 - 'имеющий хорошие манеры, социально корректный' и 2 - 'воспитанный, культурный, безупречный, эlegantный'. Нетрудно заметить, что в языковом сознании русских вежливости отводится гораздо более скромное место, чем у немцев или англичан. На это есть свои причины.

В западноевропейских языках эталон вежливости сложился в средние века на основе рыцарской культуры, глубоко проник в языковое сознание народов, а в новое и новейшее время поддерживается развитием демократических форм общения. Основные черты вежливого эталона во многом сохранились до настоящего времени. В русском языковом сознании формы вежливости имеют другую историческую основу. Отсутствие куртуазной культуры вызвало к жизни иные формы общения людей друг с другом. Вежливость понимается скорее как нечто формальное, как этикет и может принимать отрицательные коннотации, например, в словосочетании 'вежливый отказ' или при характеристике персонажей, ср.: 'неприятно вежливый', 'холодненький, чистенький и вежливый' (М. Горький «Жизнь Клима Самгина», с. 32, 33). Недостаток вежливости восполняется в сознании русских душевностью, наличие которой извиняет и грубость, и многое другое. Здесь 'работает' генетический контекст.

Описание феномена вежливости как такового далеко выходило бы за пределы данной статьи. В некоторых работах в этой связи употребляется более узкое понятие, передаваемое выражением 'konversationelle Höflichkeit', то есть 'разговорная вежливость', под которой понимается учет при взаимодействии в разговоре желаний и потребностей партнера [Langner, 1994:28], то есть дейктический контекст. Однако желания и потребности партнера не обязательно нацелены на вежливое общение, поэтому будем исходить из рабочего определения вежливости как социально приемлемого поведения людей независимо от успеха коммуникации. Ограничимся здесь выявлением и классификацией языковых средств, используемых в интересующих нас языках для выражения вежливости. Наша гипотеза состоит в структурировании сферы соответствующего речевого поведения. В литературе представлены образцы такого структурирования. Например, Н.И. Формановская приводит структуру значения обобщенных языковых единиц, употребляемых в ситуациях приветствия, прощания, знакомства, включая в нее момент речи, актантов, модальность необходи-

мости вступить в контакт со стороны говорящего, речевое действие, его цель и желательную тональность общения [Формановская, 1982: 49-52]. В работах по логике речевого общения данная сфера описывается с помощью максим вежливости, конкретизирующих принцип кооперации Грайса: 1) не будь назойлив; 2) открывая возможности выбора; и 3) будь приветлив [Langner, 1994:89]. Первая и третья максимы создают 'желательную тональность общения', вторая конкретизирует речевое действие, задавая его модус. Однако в перечисленных максимах отсутствует языковое средство, являющееся, по определению Н.И. Формановской, «первоэлементом речевого этикета» [Формановская, 1982:47] - обращение. Таким образом, в нашей гипотезе вежливое речевое поведение структурируется через: 1) обращения; 2) модус речевого действия и 3) средства создания желательного тона общения, включая оценочные речевые действия. Попытаемся выявить соотношение этих составляющих речевого поведения и роль разных типов контекста в разных языках.

1) Обращения

В.В. Кабакчи определяет обращение как «способ вербального установления контакта в процессе языкового общения с учетом социального статуса говорящих и специфики коммуникативной ситуации» [Кабакчи, 1998: 175]. В качестве обращений могут быть использованы разные языковые средства: имена, фамилии, термины родства, титулы, должности и др. Сопоставление их в системе составит интереснейший предмет обширного исследования. О тонкости возникающих здесь оттенков смысла пишет, например, А. Вежицкая, сравнивая функционирование русского обращения 'Володя' и его кажущегося английского эквивалента 'Vlad', который вызывает совершенно иное представление о стоящем за ним человеке и демонстрирует совершенно иной способ социального взаимодействия [Вежицкая, 1997:48]. Не ставя своей задачей столь подробное описание, остановимся здесь лишь на явлениях, которые при сопоставлении разноязычных культур бросаются в глаза.

В деловом коллегиальном общении, например, в общении студентов и преподавателей, в немецком языковом коллективе обычно используются личные имена с добавлением слов, выражающих различия по полу: 'Herr Melenk', 'Frau Picardi' и т.п. Немецкие студенты, приезжая в Россию, переносят этот способ обращения на русских преподавателей, обращаясь к ним 'Frau Bakina' или 'Herr Semaschkin'. Для русского языкового сознания такое обращение кажется слишком формальным. В среде русских обычно обращение по имени-отчеству. В генетическом контексте русской культуры обращение по имени-отчеству противостоит обращению просто по имени, что имплицитно уважительное отношение к возрасту. Поэтому нам, как и англичанам, кажется неприемлемым возможное обращение студентов к преподавателям старшего возраста просто по имени, которое имеет место, скажем, в Соединенных Штатах [ср. Кабакчи, 1998: 179]. Характерно, что на вопрос: «Как Вас зовут?» русские обычно называют имя или имя-отчество, а немцы и англичане - фамилию.

В русском языке с его богатым экспрессивным словообразованием для выражения вежливости на передний план выходят эмоционально окрашенные словоформы, прежде всего обращения, в которых используются уменьшительно-ласкательные суффиксы. Здесь 'работает' внутриязыковой

контекст, поскольку, такие обращения, как

Аленушка, голубушка, -

в немецком или английском языках просто невозможны. При недостаточном знакомстве с русской культурой обилие производных имен, употребляемых в качестве средств обращения, порой сбивает иноязычных читателей с толку, наводя их на мысль о разных героях, обозначаемых одним и тем же именем [ср. Кабакчи, 1998:178].

В русской культуре нередко в просторечии в качестве обращений употребляются термины родства, используемые в переносных значениях. Так молодые люди и люди среднего возраста могут назвать *бабулей* или *дедулей* любую женщину или любого мужчину преклонного возраста, которые так или иначе вызывают симпатию или сочувствие. Не так ласково, но тем не менее уважительно звучат в просторечье такие обращения как *мамашиа* и *папашиа*. Люди старшего поколения могут обратиться к молодым людям, вызывающим их симпатию, *дочка* или *сын*ок. Обращения *браток* и *сестричка* функционируют соответственно в солдатской и медицинской среде. Подобные обращения в немецкоязычной культуре рассматриваются совсем по-другому. Обращения *Vater/Mutter, Bruder/Schwester* могут употребляться в разговорном языке, но звучат там фамильярно, то есть невежливо; обращения к более младшему поколению *Sohn/Tochter, Kind/Kinder* звучат в устах взрослых чаще всего иронично (Lehrer: «Mein Sohn, da müssen wir wohl was ändern!»). *Opa/Oma, Onkel/Tante* маленькие дети применяют при обращении к чужим взрослым [Uhlisch, Gügold, Uvarova, Garonova, 1998:41]. Таким образом, генетический контекст подобных обращений сугубо избирателен.

2) Модус речевого действия

Как отмечалось выше, этот модус связан с тем, оставляется ли партнеру возможность выбора или ему диктуются условия. Различия европейских и русского языков здесь тоже очень показательны. Об этом свидетельствуют, в частности, многочисленные формы выражения вежливого побуждения к действию, повсеместно распространенные в современном немецком и английском языках и гораздо меньшее количество этих форм в русском языке.

В современном немецком языке для выражения вежливого побуждения, как правило, широко используется целый комплекс средств: формы сослагательного наклонения с семантикой потенциальности сочетаются с модальными глаголами со значением возможности и усиливаются почти обязательным добавлением «волшебного слова» *пожалуйста*. Приведем в качестве примера стандартную фразу, которую (с региональным варьированием) можно услышать в Германии почти повсеместно из уст представителей самых разных слоев населения:

Koennten Sie mir bitte sagen, wo die Mozartstrasse ist?

Другими словами, вежливость воспринимается как отсутствие императивности или категоричности высказывания, которое получает модальную окраску потенциальности. Побуждение к действию имеет при этом завуалированный характер и облекается в форму вопроса. Слово *bitte* функционально приближено к модальной частице со значением вежливой просьбы. Здесь налицо языковая избыточность: формы выражения вежливости дублируются в одном высказывании трижды.

Несмотря на общность происхождения немецкого и английского языков и близость социокультурных условий, в которых складывались соответствующие стереотипы, средства выражения вежливости в этих языках приобрели с течением времени достаточно своеобразие, что объясняется, по-видимому, не в последнюю очередь различиями в этнопсихологии носителей этих языков.

Природное достоинство, с которым привык вести себя англичанин, не позволяет ему расточительно использовать в одном высказывании такое скопление средств с близкой семантикой. В современном английском языке в аналогичной функции используются либо соответствующие формы сослагательного наклонения с употреблением вспомогательных глаголов *should / would*, либо модальные глаголы:

Would you like to do this?

May I ask you, where it is?

Модальное слово *please* употребляется скорее в сочетании с повелительным наклонением:

Sit down, please!

Носители русской культуры, как правило, не задумываются о том, оставляют ли они партнеру возможность выбора: вполне вежливым здесь считается употребление императивных форм в сочетании со словом *пожалуйста*:

Скажите, пожалуйста, как пройти к...?

Эти формы могут смягчаться императивными же выражениями:

будьте так добры, будьте любезны.

Однако вряд ли можно утверждать, что такие смягчающие формы распространены повсеместно. Скорее они представлены в культуре образованного и даже - еще уже - элитного слоя общества. В свою очередь в русскоязычной культурной среде вряд ли можно представить себе употребление высказывания, соответствующего приведенной выше стандартной фразе из современного немецкого языка и явно нарушающего русский внутриязыковой контекст:

** Могли бы Вы мне пожалуйста сказать, где находится улица Моцарта?*

3) Средства создания желательного тона общения

Приводимые ниже соображения ни в коей мере не претендуют на полноту, они лишь задают возможное направление более обстоятельного исследования. Тем не менее они отражают, на мой взгляд, известные кросс-культурные реалии.

Для создания желательного тона общения в разных культурах показательна избираемая тематика введения в разговор, связанная с генетическим контекстом. Для англичан - это реплики о погоде, для немцев - обстоятельная проработка ситуации, для русских, пожалуй, - комплимент или одобрительное высказывание. Тем самым в разных культурах, видимо, по-разному оценивается сама желательность тона общения. В английской культуре она рассматривается как некатегоричность, ненавязчивость, средствами выражения которой являются высказывания, отступающие от непосредственной темы разговора (например, о погоде), употребление смягчающих выражений типа *I am afraid, I think*, а также альтернативных подтверждающих вопросов типа *isn't it?* В немецкой культуре общения

щих вопросов типа *isn't it?* В немецкой культуре общения желателен юмор, вышучивающий нарушение каких-либо правил. Русские предпочитают в общении открытость оценок.

Подводя итоги, можно заключить, что английский стереотип вежливости по сравнению с немецким расценивается, пожалуй, как более сдержанно-демократичный. В социокультурном плане русский стереотип вежливости характеризуется как непосредственно-сердечный.

Таким образом, сопоставление трех культур позволяет увидеть особенности языкового осознания феномена вежливости в каждой из них. Учет выявленных различий в языковом выражении этого феномена (языковая избыточность немецкого, взвешенная точность английского, эмоциональная окрашенность русского) может способствовать развенчиванию негативных стереотипов и в конечном итоге облегчению межкультурного общения.

Что касается функциональной роли разных типов контекста, то в межкультурной коммуникации первостепенное значение имеет учет генетического контекста и знание внутриязыкового. Дейктический и дискурсивный контексты во многом функционально идентичны, хотя об их полном тождестве говорить не приходится. Так в русской культуре считается невежливым употреблять в присутствии человека, называя его, личное местоимение, а немецкий дискурсивный контекст вполне допускает такую замену. Дейктический контекст определяет различие правил вежливости в телефонном разговоре: у немцев считается невежливым умалчивать свое имя в начале разговора, русские же не находят в этом ничего особенного.

Библиографический список

Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. - Москва: Русские словари, 1997. - С. 48.

Кабакчи В.В. Основы англоязычной межкультурной коммуникации. - С.-Петербург: РГПУ им. А.И. Герцена, 1998.

Кострова О.А. Продолженная синтаксическая форма как промежуточное звено между простым предложением и сверхфразовым единством: Автореф. дис. ...докт. филол. наук. - Москва: АН СССР, 1992.

Формановская Н.И. Русский речевой этикет: лингвистический и методический аспекты. - М.: Русский язык, 1982.

Givón T. Mind, Code and Context: Essays in Pragmatics. - Hillsday; New Jersey; London: Lawrence Erlbaum Associates, Publishers 1989.

Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. - Chicago: University of Chicago.

Langner M. Zur kommunikativen Funktion der Abschwächungen: Pragmatische und soziolinguistische Untersuchung / Studium Sprachwissenschaft, Beiheft 23 - Hrsg. Von H. Gipper, G. Hassler, P. Schmitter. - Münster: Nodus Publikationen, 1994.

Maibauer J. Komplexe Präpositionen. Grammatikalisierung, Metapher, Implikatur und division of Pragmatik Labour // Implikaturen: Grammatische und pragmatische Analysen. Hrsg. Von F. Liedtke. - Tübingen: Niemeyer, 1995.

Uhlich G., Gügold B., Uvarova L., Gaponova I. Grüßen und Anreden im Deutschen. - Москва: НВИ - Тезаурус, 1998.

Žerebkov V.A. Deutsche Stilgrammatik. - Moskau: Vysschaja schkola, 1988.

Словари

С.И. Ожегов. Словарь русского языка. - Екатеринбург: Урал-Советы, 1994.

G. Wahrig. Deutsches Wörterbuch.- München: Mosaik Verlag.

The Oxford Popular English Dictionary. - Parragon 1998.